

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Новое слово как «побочный продукт» перевода медиатекста

Н. А. Климкова

New word as by-product of media text translation

N. A. Klimkova

Наталья Александровна Климкова – старший преподаватель; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация; аспирант; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: n.kasyanowa@gmail.com

Статья поступила. 01.02.2024. Принята к печати: 15.03.2024.

В статье рассматривается деятельность переводчика в контексте поиска эквивалента для перевода нарицательного существительного, которое не только используется для обозначения производителя действия, но и включает в себя фоновые культурные знания, понятные носителю исходного языка, но требующие эксплицитного перевода или комментария переводчика для русскоговорящего читателя. Перевод не всегда возможен даже при помощи таких приемов как трансформация, примерная аналогия, транслитерация, а также не всегда возможен комментарий переводчика или дополнительные разъяснения. В такой ситуации переводчик вынужден придумать эквивалент, чтобы передать всё, что включает в себя лексема исходного текста. В этом случае деятельность переводчика продуктивна для образования новых слов и пополнения лексического состава русского языка. В статье рассматривается такой случай перевода комментариев к медиатексту, где речь идет о представителях движения «Последнего поколения» – экоактивистах, привлекающих внимание властей акциями гражданского неповиновения. История явления кратко изложена во вводной части статьи. В результате перевода было придумано отглагольное существительное путем присоединения к основе глагола суффиксов *-ун* и *-к*, имеющих отрицательное и пренебрежительное значение. Ретроспективный подход при проверке образованного эквивалента подтверждает правильность выбранных формантов, а работа с группами студентов по подбору и образованию вариантов перевода того же слова показывает, что существительные с суффиксом *-ун* воспринимаются как лексемы с отрицательной коннотацией вне зависимости от наличия контекста. Помимо этого, эквиваленты, образованные студентами, также являются нарицательными существительными, полученными путем присоединения к основе глагола суффиксов *-ун/-юн*. Результат эксперимента показывает, что деятельность переводчика дает материал

Natalia A. Klimkova – Senior Lecturer; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; post-graduate student; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

ORCID 0009-0002-1712-1987

Received: 01/02/2024. Accepted for publication: 15/03/2024.

The article examines the work of a translator in the context of searching for an equivalent to translate a common noun, which is not only used to designate the producer of an action, but also includes background cultural knowledge that is understandable to a native speaker of the source language but requires an explicit translation for a Russian-speaking reader. Translation with the use of such techniques as transformation, approximate analogy, transliteration is not always possible, just as translator's commentary or additional explanations. In such a situation, the translator needs to come up with an equivalent in order to convey everything that the lexeme of the source text includes. In this case, the work of the translator is productive for the formation of new words and replenishment of the lexical composition of the Russian language. The article examines a case of translating comments to a media text which are about representatives of the Last Generation (Letzte Generation) movement – environmental activists who attract the attention of the authorities with actions of civil disobedience. The history of the phenomenon is briefly outlined in the introductory part of the article. During the translation, a verbal noun was invented by adding the specific suffixes, which have a negative and disparaging meaning, to the stem of the verb. A retrospective approach when checking the formed equivalent confirms the correctness of the selected formants, and the work with groups of students on the selection and formation of translation options for the same word shows that nouns with the suffix *-un* are perceived as lexemes with a negative connotation, regardless of the presence of context. In addition, the equivalents formed by the students are also common nouns, obtained by attaching the suffixes *-un/-yun* to the verb stem. The result of the experiment shows that the work of a translator provides material for discussing translation as an activity productive for the emergence of new words and enriching the vocabulary of the Russian language, as well as the purposeful use of word-formative formants in accordance with the system of

для обсуждения перевода как деятельности, продуктивной для появления новых слов и обогащения словарного состава русского языка, а также о целенаправленном использовании словообразовательных формантов в соответствии с системой оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке.

Ключевые слова: перевод, словообразование, система оценочных суффиксов

УДК 81

evaluative suffixes of substantive word formation in the Russian language.

Keywords: translation, word formation, system of evaluative suffixes

OECD: 6.020Y

В **Постановка проблемы.** Деятельность переводчика тесно связана с постоянным подбором слова в зависимости от дискурса и смысла высказывания. Особой задачей является правильный выбор лексемы с соответствующим оттенком значения. Несмотря на множество словарных и переводческих систем для облегчения и ускорения работы переводчика, не всегда возможен точный выбор эквивалента из предложенных в словаре вариантов для того, чтобы перевод был полным, точным и адекватным. Наиболее интересными в таких условиях представляются задачи передачи какого-либо явления или культурной реалии, для которой в исходном языке есть номинация, но требуется подобрать эквивалент средствами языка перевода. Не всегда в языке перевода достаточно средств для номинации явления и передачи всех оттенков смысла. Отсутствие однозначного русского эквивалента вынуждает переводчиков прибегать к разным способам перевода лексемы в зависимости от значения и контекста. Те глубинные смыслы, которые очевидны читателю – носителю исходного языка и являются свернутым фоновым знанием, для русского читателя необходимо выражать эксплицитно [Галиева, 2010, с. 131]. Также не всегда в тексте перевода возможен комментарий переводчика. В ходе таких поисков может появиться новое слово или термин, поскольку переводчик в таких случаях вынужден прибегать к словообразованию продуктивными способами, существующими в языке перевода. Одной из ситуаций, когда возникает потребность в подборе эквивалента, а комментарий переводчика невозможен, стала работа над переводом интернет-комментариев к медиасюжету об акции экологов – представителей движения «Последнее поколение» (“die letzte Generation”) – в Мангейме (<https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>), когда экологи приклеили себя к асфальту проезжей части, создав затор.

Цель настоящей статьи – лингвистическое осмысление слова *клейкуны*, которое оказалось необходимым ввести в перевод интернет-комментариев, с позиций медиалингвистики, переводческой практики и русской грамматики.

История вопроса. Движение *die letzte Generation* существует в Германии с 2021 года и известно тем, что активисты привлекают внимание властей ФРГ радикальными действиями, которые они называют методами гражданского неповиновения. К таким мерам относятся приклеивание ладони к стене здания, к шедевру живописи, обливание краской какой-либо объекта или приклеивание себя к асфальту на проезжей части в час пик. Полиция пытается решить проблему уговорами, но не может

предпринимать активных действий, поскольку правительство дает указание действовать с осторожностью.

Однако в целом акции экоктивистов не приносят пользы окружающей среде. Так, например, облив яхту краской в Нойштадте, [<https://aussiedlerbote.de/2023/06/poslednee-pokolenie-raspyliaet-iaakhty-v-noishtadte-v-golshteine>], они допустили попадание большого количества краски в акваторию озера, что не способствует защите окружающей среды; что касается акции приклеивания ладони к асфальту на основных магистралях, то это лишь блокирует движение, но население не собирается в итоге отказываться от личного транспорта. В результате длительных пробок в атмосферу попадает большее количество выхлопных газов, что не вяжется с миссией активистов, соответственно, цель акции не достигнута. Если полиция получает разрешение на активные действия, то активистов отклеивают от асфальта растительным маслом или вырезают кусок асфальтового покрытия, что влечет за собой ремонт и изменение схемы дорожного движения. Поначалу акции протеста экоктивистов вызывали в обществе восторг, однако сегодня в комментариях прослеживается резко негативное отношение к ним. Эволюцию номинации активистов по годам можно отследить на следующих примерах:

2021: Die Klimaaktivisten	климатические активисты , клима активисты
2021-2022: radikale Klimaaktivisten	радикальные климатические активисты
2023: Klimaterroristen	климатические террористы

Указанные наименования четко показывают нейтральную, а затем отрицательную и резко отрицательную коннотацию, что несложно передать при переводе, поскольку словари предлагают подходящий эквивалент для каждого варианта.

Задача переводчика при переводе комментариев к медиасюжету усложнилась тем, что в комментариях встретилось на первый взгляд нейтральное существительное *der Kleber* (Pl.: *die Kleber*), образованное от глагола *kleben* (приклеивать) присоединением к основе суффикса *-er*, обладающего в немецком языке высокой степенью продуктивности в способности образовывать имена существительные, обозначающие производителя действия – *nomina agentis* [Искандарова, 2011 а, с. 24].

При переводе потребовалось передать не только значение действия, но и негативное отношение общества к экоктивистам и неэффективность их акций. Среди негативных комментариев встречаются такие как «шли бы лучше работать», «пусть скажут спасибо, что ни у кого зажигалки не выпало», «полейте их кислотой и решите проблему раз и навсегда» и т.д. [<https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>]. Поскольку движение «Последнее поколение» – реальия жизни Германии, представитель немецкого общества прочитает наименование экоктивистов „Kleber” с соответствующей коннотацией, в то время как эквиваленты, предложенные словарями, не передают всех смыслов. Перевод существительного при помощи других приемов –

трансформации, калькирования, транслитерации, описательного перевода или аналоговой замены – не представляется возможным. Поэтому было принято решение «изобрести» эквивалент, который должен быть отглагольным существительным, образованным при помощи словообразовательного форманта.

Методология и методика исследования. Методология исследования основана на ретроспективном подходе, что определяет методы работы: перевод комментариев, анализ эквивалентов, анализ словообразовательных формантов, подбор словообразовательных формантов, метод наблюдения. Важная часть проведенного исследования – лингвистический эксперимент, предполагающий поиск безэквивалентной лексики в русском языке на фоне немецкого.

Анализ материала. Итак, столкнувшись с задачей подбора эквивалента, первым делом переводчик обращается к одноязычному толковому словарю за разъяснением значения слова и двуязычному словарю для проверки вариантов перевода, которые представлены словарными статьями. Для лексемы *der Kleber* (Pl: *die Kleber*) словари предлагают следующие варианты:

Kleber, der – клей, проклещик, склейщик, второгодник [Multitran]; клей, клейковина [Langenscheidt]; клей, наклейка [Pons].

Все имеющиеся эквиваленты не подошли для перевода, поскольку имеют нейтральную коннотацию. В «Грамматическом учении о слове» В.В. Виноградова, в частности, утверждается: «Суффиксы *-щик* и *-чик*, которые в профессиональных диалектах начинают применяться все чаще для обозначения орудий действия, механизмов, приборов (в сочетании с глагольной основой), например: *бомбардировщик, пищик* (дудочка), *счетчик, передатчик, тральщик, разведчик* и т. п. Это значение суффиксов *-щик* и *-чик* вырастает из значения действующего лица» [Виноградов, 2001, с. 97]. Поскольку в приведенном утверждении нет каких-либо дополнительных помет или указаний на коннотативные смыслы, можно считать, что данные наименования, образованные при помощи суффиксов *-чик* и *-щик*, носят нейтральный характер. Соответственно, указанные форманты также коннотативно нейтральны. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка толкует формант следующим образом: «-ЩИК; -ЧИК; -ОВЩИК и орф. -ЁВЩИК – сущ., муж. р., I скл. ЗМ: предмет (преимущ. лицо), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом. 1. сщ < глг; Сп.: суф.; ЗТ: предмет, производящий действие, названное мотивирующим глг. 1.1. ЗП: лицо – производитель действия.», но также не содержит помет относительно положительного или отрицательного значения суффикса [Лопатин, 2016, с. 695]. Таким образом, проанализировав существующие форманты, делаем вывод, что варианты *проклещик, склейщик*, предложенные переводными словарями, либо окказионализмы, образованные при помощи этих формантов, также имеют нейтральную коннотацию и не передают требуемую окраску.

В поисках словообразовательных формантов, в большей степени нагруженных негативными коннотациями, обращено внимание на суффикс *-ун*, с помощью которого образованы слова типа *крикун* и знаменитое *ждун*. нарицательного Имя существительное *крикун* в Большом толковом словаре получает следующую дефиницию: **крикун** – человек, много и попусту говорящий; демагог. *Митинговые крикуны*. **Крикунья**, -и; мн. род. -ний, дат. -ням; ж. (1 зн.)», присутствует помета «неодобрительно» [https://gramota.ru]. Имя

Ждун скульптуре, которая задумывалась автором как символ пациента, который «ждет своей участи с надеждой на лучшее», присвоили пользователи интернета, обозначив ее как собирательный образ ленивого человека, который "сложив ручки" ждет вечного чуда. Именно в таком качестве – образ ленивого неэффективного человека – скульптура стала интернет-мемом, а имя собственное *Ждун* приобрело отрицательную окраску и получило употребление как имя нарицательное с негативной коннотацией: в публикациях периодических изданий существительным *ждун* обозначают представителей общества, чьи нормы поведения заданы традициями и не отходят от них. При этом они надеются на перемены к лучшему, ничего для этого не предпринимая, и тормозят прогресс [Травин, 2017]. На новых территориях России – Крым, Донбасс, Запорожская область – с некоторых пор *ждунами* называют местных жителей, которые не согласились с российскими реалиями и до сих пор ждут возвращения в состав Украины [Андрюхин, 2023].

В «Грамматическом словаре» находим более полусотни слов с этим суффиксом от *левун* до *вещун* [Зализняк, 1977]. Большинство из них – отглагольные дериваты, но есть и *горбун*, *слепун*, образованные от именных основ.

Формант *-ун* трактуется как использующийся для обозначения лиц по привычному действию или по склонности к какому-нибудь действию (от глагольной или глагольно-именной основы), имеющий по большей части оттенок пренебрежения или иронического снисхождения [Виноградов, 2001, с.97]. Помимо этого, в описании оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке XVIII–XXI вв. на материале Национального корпуса русского языка *-ун* отнесен к суффиксам негативной оценки [Веколова, 2016, с. 6]. О том, что носители современного русского языка воспринимают слова с суффиксом *-ун* как негативно-оценочные, говорят наличие в интернет-комментариях таких окказионализмов, как *безголосье* «звездуну».

Итак, с учетом всего сказанного путем присоединения к основе продуктивного суффикса *-ун* по образцу существительных *крикун*, *полоскун*, *опекун* образовано отглагольное нарицательное существительное *клеякун*. Поскольку основа глагола *клеить* оканчивается на гласный, в существительном *клеякун* мы видим дополнительный интерфикс *-к*, который может быть как средством консонантизации основы для полного соответствия образцу, заданному отглагольным существительным *крикун* (ср. глагол *кричать* – чередование к/ч), так и отголоском основы прилагательного *клеякий*.

Для проверки коннотаций образованного эквивалента был проведен лингвистический эксперимент – опрос студентов старших курсов, изучающих немецкий язык как основную специальность. Первой группе было предложено определить положительную или отрицательную коннотацию полученного существительного *клеякун* вне контекста. Из 18 человек 10 сразу распознали отрицательную коннотацию, 6 были более осторожны в оценке и запросили контекст, после чего также пришли к выводу об отрицательном значении эквивалента, двое предположили как отрицательную, так и возможную положительную оценочность в значении слова. По их предположениям, оценочность образованного эквивалента зависит от стилистики текста и от условий, которые задает контекст, поскольку неологизм не является частотным в употреблении словом.

Второй группе в количестве 20 человек был продемонстрирован медиасюжет, перевод комментариев к которому и поставил задачу подбора эквивалента к

существительному *der Kleber* (Pl.: *die Kleber*). Помимо этого, студенты получили разъяснения о деятельности представителей «Последнего поколения» и их акциях. Затем группе было дано задание в течение десяти минут подобрать или придумать эквивалент к лексеме *der Kleber* без ограничения использования любых средств перевода, в том числе словообразования с целью – передать негативное отношение к экоактивистам. Спустя оговоренное время были получены следующие варианты: *чертополох, репей, лейкопластыри, липучки, приклеисты, залипшие, залипы, залипалы, стикеры, дорожные прилипалы, прилипалы, пиявки*.

После обсуждения и анализа эквивалентов варианты *чертополох, репей, липучки* были признаны неподходящими в силу того, что они подходят для обозначения очень целеустремленного человека, который добивается цели любыми путями; вариант *лейкопластыри* изначально несет положительную коннотацию. Эквиваленты *залипшие, залипалы, залипы* не подошли по причине существования жаргонного слова *залипать* в значении «пристально смотреть», «уставиться», соответственно, эти варианты могут дать неверное понимание текста перевода. *Приклеисты* созвучны с жаргонным словом *приколисты* в значении «шутники», что опять же дает неверное понимание перевода текста, а вариант *стикеры* нейтрален. Варианты перевода *пиявки, прилипалы* могут в зависимости от контекста нести положительную коннотацию, поскольку пиявки используются также в лечебных целях, а рыба-прилипала – паразит, который приносит пользу хозяину.

Среди студенческих вариантов встретилось два случая словотворчества: *мерзостики*, который, однако, не передает бессмысленности акций экоактивистов; и *клелипалы*, который потребует дополнительных разъяснений или комментария переводчика.

Среди предложенных студентами вариантов встретилось два отглагольных существительных, полученных в результате словообразования путем присоединения суффиксов к основе: *липуны* и *клеюны*. Нельзя не заметить, что при образовании существительных использованы суффикс *-ун/-юн*, который студенты как носители современного русского языка квалифицировали как имеющий значение негативной оценки, что согласовалось с размышлениями при образовании эквивалента *клеякуны*. После обсуждения и анализа всех вариантов перевода слова *die Kleber* (Pl.) изначальный эквивалент *клеякуны* и варианты *клеюны* и *липуны*, предложенные студентами, были признаны полными и адекватными поставленной задаче.

Интересно заметить, что грамматический строй немецкого языка предусматривает возможность преобразования собственно имен деятеля (модификационные образования) по словообразовательной модели *nomen agenti* + суффикс *-in* для образования имен деятеля женского рода от имен деятеля мужского рода с тем же значением [Искандарова, 2011, с. 81]. В комментариях к другим медиасюжетам для обозначения экоактивиста женского пола встречается существительное *die Kleberin*, однако в русском языке также нет подходящего феминитива для соответствующего варианта перевода. Следовательно, при возникновении такой необходимости для образования соответствующего эквивалента нужно использовать грамматические возможности женского рода системы русского языка. В таком качестве вполне могло

выступить существительное *клейкуня*, образованное по словообразовательной модели упомянутых выше существительных *крикун/крикунья* (ср. *попрыгун/попрыгунья*).

Выводы. Итак, в ходе перевода был предложен русский вариант перевода немецкого слова, а проведенный эксперимент подтвердил его удачность, в частности, использование словообразовательного форманта *-ун*. Помимо этого, эксперимент дает материал для обсуждения значений суффиксов: так, значение суффикса *-ун/-юн* не вызвало сомнений ни у переводчика при образовании эквивалента при переводе, ни у группы студентов, которая должна была определить коннотацию полученного слова *клейкуны*. Более того, группа, которая должна была подобрать или найти свой эквивалент, предложила вариант *липуны* и/или *клеюны*, образованные от основы глагола при помощи суффикса *-ун/-юн*, обратившись к словообразовательной модели переводчика.

Результаты эксперимента приводят к выводу, что образование имен существительных, особенно оценочного характера, может и должно происходить осознанно и целенаправленно, с использованием словообразовательных формантов в соответствии с системой оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке. Ретроспективный подход, то есть, анализ уже полученного эквивалента в аспекте способа образования нового слова, а также проверка его коннотации по значению используемых формантов помогает удостовериться в правильности рассуждений и при необходимости скорректировать форму слова. Проверка эквивалента путем эксперимента, когда аудитория, ранее не знакомая с данным словом и/или контекстом, для которого придумано слово, должна распознать коннотацию, также помогает определить степень точности значения придуманного эквивалента и либо использовать его в переводном тексте, либо продолжить работу над формой слова.

Помимо этого, эксперимент подтверждает идею перевода как деятельности, которая может послужить источником появления новых слов для обогащения словарного состава русского языка. Соответствующие прецеденты есть: в качестве примера можно привести прецедент – философский термин *дискурсия*, который появился в результате переводческой деятельности – перевода книги М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (“*Les Mots et les Choses. Une Archéologie des Sciences Humaines*”), опубликованной в 1969 г. [Галева, 2011, с. 125]. В оригинальном тексте Фуко был полисемант *discours*, который получил новый вариант перевода на русский язык *дискурсия*. Впоследствии он закрепился и распространился как термин для осмысления философского концепта в разных аспектах и значениях.

Окказиональное слово «*клейкун*», будучи образованным в процессе перевода, относится к практике научной и учебной. При этом соотносительность окказионализма «*клейкун*» с учебной и научной сферами не делает его менее интересным для изучения обстоятельств и механизмов появления нового слова. Более того, несмотря на случайный характер возникновения существительного, высока вероятность его употребления при дальнейших переводах медиатекстов об акциях «Последнего поколения» и комментариев к ним, поскольку медиасюжеты о движении экоктивистов вызывают живой отклик читательской аудитории.

Литература

Андрюхин, В. (2023). Кто такие «ждуны» и что их ждет? *Новое дело*: областной выпуск: официальный сайт, 42. URL: <https://pravda-nn.ru/articles/kto-takie-zhduny-i-chto-ih-zhdet/>

Веколова, А. Ю. (2015). Оценочные суффиксы нарицательных имен существительных в русском языке XI-XVII веков (на основе лексикографических данных). *Вестник Самарского государственного университета*, 11(133), 17–21.

Веколова, А. Ю. (2016). Система оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке XVIII–XXI вв. (на материале национального корпуса русского языка). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки*, 28(249), 5–10.

Виноградов, В. В. (2001). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Под редакцией. Москва: Русский язык.

Галиева, А. М. (2010). Дискурсия: перевод как источник нового термина. *Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки*, 152 (6), 124–132.

Зализняк, А. (1977). *Грамматический словарь русского языка: словоизменение*: около 100 000 слов. Москва: Русский язык.

Издательство Bild: официальный аккаунт на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>

Искандарова, Г. Р. (2011). Моделирование отглагольных и отсубстантивных имен деятеля (на материале немецкого языка). *Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии*, 4(54), 80–87.

Искандарова, Г. Р. (2011а). Регулярности и ограничения в образовании отглагольных имен деятеля на -er в немецком языке. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 24–26.

Лопатин, В. В., Улуханов, И. С. (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Азбуковник.

Мультитран: интернет-система двуязычных словарей: официальный сайт. URL: <https://www.multitran.com/>

Переселенческий вестник = ZEITUNG AUSSIEDLERBOTE: немецкое новостное издание на русском языке: официальный сайт. URL: <https://aussiedlerbote.de>

Полякова, Е. Н. (1975). *Из истории русских имен и фамилий*: книга для учащихся. Москва: Просвещение.

Санников, В. З. (2018). Об оценочных суффиксах русского языка. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 77(5), 5–21. DOI: 10.31857/S241377150002546-3

Травин, Д. (2017). Не только русский ждун. *Ведомости*: официальный сайт. 8 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/09/680395-ne-tolko-russkii>

Langenscheidt Online Wörterbücher: offizielle Website. URL: <https://de.langenscheidt.com/>.

References

Andrjuhin, V. (23.10.2023). Kto takie «zhduny» i chto ih zhdet? *Novoe delo*. 42. Retrieved from <https://pravda-nn.ru/articles/kto-takie-zhduny-i-chto-ih-zhdet/> (In Russian).

Galieva, A. M. (2010). Discourse: translation as a source of a new term. *Ucheniye zapiski Kazanskogo universiteta*, 152(6), 124-132. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursiya-perevod-kak-istochnik-novogo-termina/viewer> (In Russian).

German news publication in Russian “ZEITUNG «AUSSIEDLERBOTE»”: [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://aussiedlerbote.de>

Internet system of bilingual dictionaries “Multitran” [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://www.multitran.com/>

Iskandarova, G. R. (2011 a). Regularities and restrictions in the formation of verbal names of an actor in -er in the Germany language. *Proceedings Of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1, 24-26. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyarnosti-i-ogranicheniya-v-obrazovanii-otglagolnyh-imen-deyatel'yan-er-v-nemetskom-yazyke/viewer> (In Russian).

Iskandarova, G. R. (2011). Modeling of verbal and substantive names of the agent (on the material of the German language). *Vestnik VEGU*. 4(54), 80-87. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16553243> (In Russian).

Langenscheidt Online Wörterbücher [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://de.langenscheidt.com/>

Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of Russian Language (In Russian).

Online-dictionary of Pons publishing house [Web-page]. (n.d.). Retrieved from <https://ru.pons.com/>

Polyakova, Y. N. (1975). *From the history of Russian names and surnames*. Moscow: Prosveshenie.

Sannikov, V. Z. (2018). To evaluative suffixes of the Russian language. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 77 (5), 5-21. DOI 10.31857/S241377150002546-3. EDN YQHBYL. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36573623> (In Russian).

Travin, D. (08.03.2017). Ne tol'ko russkij zhdun. *Vedomosti*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/09/680395-ne-tolko-russkii> (In Russian).

Vekolova, A. Yu. (2015). Evaluative suffixes of common nouns in the Russian language of the XI-XVII centuries (on the basis of lexicographical data). *Vestnik of Samara University*, 11 (133), 17-21. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-suffiksy-naritsatelnyh-imen-suschestvitelnyh-v-russkom-yazyke-xi>

PONS. *Hallo Welt*: онлайн-словарь: официальный сайт. URL: <https://ru.pons.com/> xvii-vekov-na-osnove-leksikograficheskikh-dannyh (In Russian).

Vekolova, A. Yu. (2016). The system of noun evaluative suffixes in the Russian language of the XVIII-XXI centuries (on the material of the national corpus of the Russian language). *Nauchniye vedomosti, Gumanitarniye nauki*, 28(249), 32, 5-10. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28095998> (In Russian).

Vinogradov, V. V. (2001). *The Russian Language (Grammatical doctrine of the word)* / Under. ed. G. A. Zolotova. Moscow: Russkiy Yazik. (In Russian).

Youtube channel of the publishing house Bild: [Web-страница]. (n.d.). Retrieved from <https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>

Zaliznyak, A. (1977). *Grammar dictionary of the Russian language: inflection: about 100,000 words*. Moscow: Russkiy Yazik. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Климкова, Н. А. (2024). Новое слово как «побочный продукт» перевода медиатекста. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(11), 48–56. DOI: 10.34680/VERBA-2024-1(11)-48-56

For citation:

Klimkova, N. A. (2024). New word as by-product of media text translation. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(11), 48–56. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-1(11)-48-56